

Глава 4. Он слышит страх

Стеклянный кабинет на девяносто девятом этаже был шедевром корпоративного садизма.

С одной стороны — панорамный вид на Манхэттен, иллюзия безграничной свободы и власти. С другой — абсолютно прозрачные внутренние стены, выходящие в коридор Семёрки. Никаких жалюзи. Никаких непроницаемых перегородок. Любой, кто проходил мимо, мог видеть каждый мой жест. Я находился в аквариуме, спроектированном специально для того, чтобы за мной было удобно наблюдать.

И я знал, кто именно будет главным зрителем.

Я снова посмотрел на погасший экран защищенного планшета, лежащего на столе. Строчка из секретного отчета Vought всё ещё горела на сетчатке. «Реакция объекта на голос сотрудника (Э. Кросс)». Они знали. Аналитический отдел, Стэн Эдгар, Эшли — они все прекрасно понимали, что бросают меня в клетку к хищнику, который по какой-то необъяснимой причине среагировал на тембр моего голоса. Я не был антикризисным менеджером в этой игре. Я был наживкой, к которой прикрепили микрофон.

Лёгкий шелест ткани заставил меня поднять взгляд.

Хоумлендер не вошел — он просто материализовался в дверном проеме. Система безопасности даже не пискнула, словно его доступ обходил все протоколы на аппаратном уровне. На нём был его идеальный костюм, ни единой складки, плащ тяжело спадал с плеч. Он остановился на пороге, заложив руки за спину, и обвел взглядом мой новый кабинет.

— Уютно, — произнёс он. Его голос звучал расслабленно, почти по-домашнему. — Гораздо лучше той каморки на нижних этажах, где Эшли пыталась тебя спрятать. Тебе нравится твой новый офис, Эван?

Я медленно отодвинул планшет на край стола, освобождая пространство перед собой. Внешне мои движения оставались размеренными и спокойными.

— Здесь отличная звукоизоляция, — ответил я, глядя ему в глаза. — И прекрасное освещение для работы с документами. Спасибо. Но, полагаю, вы пришли не для того, чтобы обсуждать интерьер. У нас запланирована репетиция интервью для шоу Кэмерона Коулмана.

Хоумлендер усмехнулся. Это была та самая телевизионная улыбка, которую миллионы американцев видели каждый день. Но вблизи она казалась пластиковой маской, натянутой на что-то темное и голодное.

Он шагнул внутрь. Дверь за ним мягко закрылась, отсекая нас от внешнего мира.

— Интервью, — протянул он, медленно приближаясь к моему столу. — Да. Кризисные коммуникации. Спасение имиджа. Ты ведь это умеешь лучше всех, верно? Говорить правильные слова в правильное время.

— Это моя работа.

Я открыл на ноутбуке подготовленный файл.

— Первый блок вопросов будет касаться инцидента в Трентоне. Коулман спросит о сопутствующем ущербе. Ваша задача — перевести фокус с разрушенного здания на спасенные жизни. Я подготовил тезисы. Вы должны звучать уверенно, но с долей скорби по...

— «Каждая потерянная жизнь — это шрам на моем сердце, Кэмерон», — перебил меня Хоумлендер, идеально копируя интонацию глубокой, мужественной печали. Он остановился напротив моего стола, опершись костяшками пальцев о стеклянную столешницу. — «Мы сделали всё возможное, чтобы минимизировать угрозу, но злодеи не считаются с правилами. Мой долг — быть щитом для этой страны, даже когда этот щит принимает на себя самый тяжелый удар».

Он замолчал и склонил голову набок, его глаза блеснули.

— Как я звучу, Эван?

— Безупречно, — ответил я, не кривя душой. Текст был корпоративным дерьмом, но он подал его с пугающей искренностью. — Интонация выверена. Коулман это проглотит, а рейтинги одобряют.

— Безупречно, — эхом повторил он. Улыбка медленно сползла с его лица. — Значит, ты написал мне текст, я его прочитал, и все счастливы. Пиар-отдел ликует. Эдгар пьет свой дорогой скотч. А ты, Эван? Ты счастлив?

Динамика сцены изменилась. Я почувствовал это по тому, как воздух в кабинете стал тяжелее, словно перед грозой. Моя рабочая задача только что закончилась, и началось что-то другое.

— Мое личное счастье не является метрикой эффективности в данной ситуации, — ровно произнес я.

Хоумлендер наклонился вперед. Столешница между нами была узкой — всего полметра стекла. Я мог разглядеть каждую золотую нить на его эполетах.

— Семьдесят восемь, — вдруг сказал он.

Я замер.

— Восемьдесят один, — продолжил Хоумлендер, и его голос упал до интимного, вибрирующего полусшепота. — Твой пульс, Эван. Он ускоряется. Буквально за пару секунд.

Я сделал ровный, контролируемый вдох.

— Это естественная физиологическая реакция на нарушение личного пространства. Вы стоите очень близко.

— О, дело не в пространстве. — Он обошел стол, плавно, как хищная кошка, и оказался на моей стороне. Мне пришлось повернуть кресло, чтобы не упускать его из виду. — Дело в том, что ты пытаешься спрятаться за своими красивыми, сухими фразами. «Метрика эффективности». «Личное пространство». Ты говоришь со мной, как пресс-релиз, Эван. Я ненавижу пресс-релизы.

Он подошел вплотную. Его бедро почти касалось подлокотника моего кресла. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на него. Это была классическая тактика доминирования — нависать, заставляя собеседника чувствовать себя маленьким, уязвимым. Но в случае с Хоумлендером это не было психологическим трюком. Он действительно мог раздавить меня одной рукой.

— Давай попробуем еще раз, — мягко сказал он, глядя на меня сверху вниз. — Без бумажек. Без скриптов Vought. Что ты на самом деле думал, когда слушал мой ответ про Трентон?

— Я думал, что это хорошая ложь, которая сработает на фокус-группах, — ответил я.

— Девяносто. — Хоумлендер удовлетворенно цокнул языком. — Лучше. Честнее. Ты умный, Эван. Гораздо умнее Эшли с ее дергающимся глазом и выпадающими волосами. И ты знаешь, зачем ты здесь. Зачем тебя посадили в этот стеклянный ящик.

Мой взгляд непроизвольно скользнул к планшету, на котором был заблокирован секретный отчет, и тут же вернулся к Хоумлендеру. Но он заметил это микроскопическое движение.

— Сто пять, — протянул он, и в его голосе прорезалась жесткая, холодная нота. Он положил руку на спинку моего кресла. Я оказался в ловушке между его телом, столом и спинкой сиденья. — Что там, Эван? Какие инструкции тебе дали? Шпионить за мной? Докладывать Эдгару, как часто я моргаю?

— Моя должность — советник по коммуникациям, — я старался держать голос ровным, хотя чувствовал, как колотится кровь в висках. — Моя задача — обеспечивать вашу информационную безопасность.

— Сто пятнадцать! — Хоумлендер резко наклонился, его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего. Запах озона и идеального парфюма ударил мне в нос. — Ты мне лжешь.

Его глаза не поменяли цвет, не вспыхнули красным, но в них появилось нечто гораздо более пугающее — абсолютная, мертвая фокусировка.

— Я слышу, как твое сердце бьется о ребра, Эван. Я слышу, как твои легкие судорожно хватают воздух. Я слышу химический состав твоего пота. Ты сидишь здесь, смотришь мне в глаза своим ледяным взглядом, пытаешься играть в хладнокровного профессионала, но внутри ты в ужасе. Ты дрожишь. И ты продолжаешь врать мне в лицо.

Он ненавидел не страх. Меня прошило внезапным, кристально ясным пониманием. Хоумлендера не раздражало то, что его боятся. Его бесило, когда этот страх пытались замазать дешевой лестью, корпоративной лояльностью или профессиональной невозмутимостью. Мэделин Стилвелл, должно быть, врала ему постоянно, улыбаясь материнской улыбкой, пока её сердце билось в панике. Эшли врала, лебезя и соглашаясь с каждым его безумием.

Он мог слышать ложь так же четко, как я слышал гул кондиционера. И моя привычная броня антикризисного менеджера — спокойствие, вежливость, отстраненность — для него была красной тряпкой. Она была доказательством того, что я считаю его идиотом, которого можно обмануть красивым фасадом.

Я не мог победить его на поле физиологии.

Значит, нужно было менять правила игры.

Я перестал контролировать дыхание. Позволил себе сделать глубокий, неровный вдох. Мои пальцы, сжимавшие подлокотники кресла, медленно расслабились.

— Вы правы, — сказал я. Мой голос прозвучал тише, чем обычно, но абсолютно твердо.

Хоумлендер замер. Его брови едва заметно дрогнули.

— Что? — переспросил он.

— Вы правы, — повторил я, не отрывая взгляда от его глаз. — Мой пульс сто пятнадцать. Может, уже сто двадцать. Мои надпочечники прямо сейчас выбрасывают в кровь кортизол и адреналин в таких объемах, что мне физически тяжело сидеть на месте. Я боюсь вас.

Он чуть отстранился, его лицо выражало сложное смешение удивления и собственнического триумфа. Он ждал, что я сломаюсь, начну извиняться, скулить или оправдываться.

— Но вы путаете две разные вещи, — продолжил я, выдерживая его тяжелый взгляд. — Вы путаете биологию с обманом.

Хоумлендер прищурился. Рука на спинке моего кресла напряглась.

— Поясни. И выбирай слова очень тщательно, Эван.

— Мое тело реагирует на вас как на высшего хищника. Это инстинкт выживания, вшитый в ДНК. Я обычный человек без сверхспособностей. Вы можете пробить мне грудную клетку двумя пальцами, прежде чем я успею моргнуть. Мое сердце будет колотиться рядом с вами, потому что мой мозг понимает уровень угрозы. Я не могу это контролировать, и я не собираюсь перед вами за это оправдываться.

Я сделал паузу. Хоумлендер слушал. Он не перебивал, его дыхание было беззвучным, а внимание — абсолютным.

— Но страх не означает ложь, — твердо сказал я. — Страх — это реакция тела. Ложь — это выбор. Когда я говорю вам о метриках или корпоративных правилах, я не лгу. Я использую язык, которому меня обучили, чтобы структурировать хаос. Вы требуете от меня честности? Хорошо. Честность заключается в том, что Vought действительно поставили меня сюда, чтобы я оценивал вашу стабильность. Они ждут от меня отчетов. И они знают, что я боюсь вас. Они используют мой страх как инструмент.

Тишина в стеклянном кабинете стала звенящей.

Я только что признался в шпионаже. Я вскрыл карты, которые должен был защищать ценой своей карьеры. Но я смотрел на Хоумлендера и понимал, что старые корпоративные правила здесь больше не работают.

Его лицо медленно изменилось. Жесткая маска спала, уступив место чему-то темному, горячему и невыносимо тяжелому. Он медленно убрал руку со спинки кресла, но не отошел. Наоборот, он наклонился еще ближе, так, что мы оказались практически нос к носу.

— Никакого обмана, — прошептал он. Его глаза скользнули по моему лицу, изучая каждую черту, словно он видел меня впервые. — Ты признаешь это. Ты признаешь угрозу.

— Я не идиот, чтобы её отрицать.

Хоумлендер медленно, почти нежно провел тыльной стороной ладони по моему плечу. От этого прикосновения волоски на моих руках встали дыбом. Это был жест владельца.

— Никогда, — произнес он, и в его голосе зазвучал металл, от которого вибрировали стекла в кабинете. — Никогда не говори мне «я не боюсь», Эван. Я убью тебя за эти слова. Я хочу

слышать, как колотится твое сердце. Я хочу знать, что ты понимаешь, кто я такой. Но если ты посмеешь скрыть от меня свои мысли за пиар-дерьмом... я вырву тебе язык. Мы поняли друг друга?

Это была победа. Извращенная, опасная, балансирующая на грани смерти, но победа. Он принял мою формулу. Он принял мой страх не как слабость, которую нужно презирать, а как дань уважения, которая принадлежит лично ему.

Но я не мог остановиться на этом. Уступить ему всё означало стать очередной куклой, которую он ломает, когда ему станет скучно.

— Мы поняли друг друга, — ровно ответил я. — Я соглашусь на абсолютную честность. Я не буду прятаться за корпоративными скриптами.

Я подался немного вперед, сокращая те жалкие миллиметры, что оставались между нами. Это было безумие, но я должен был это сделать.

— Но только при одном условии.

Взгляд Хоумлендера потемнел. Само то, что я осмелился выдвинуть условие, было для него в новинку.

— Условию? — обманчиво мягко повторил он.

— У нас будут правила, — сказал я, глядя прямо в его пугающие глаза. — Для нас обоих. Иначе эта честность не проработает и недели.

Я должен был озвучить границы человеку, который привык, что для него не существует никаких пределов. Человеку, который мог прямо сейчас стереть меня в порошок за один только отказ подчиняться безусловно.

<http://bllate.org/book/18410/1759044>